Ален ТУРЕН*

ДВА ЛИЦА ИДЕНТИЧНОСТИ[1]

Тема идентичности приобретает новое значение в гуманитарных науках. Это социальный факт, проявление внутри особой профессиональной группы общей чувствительности к упомянутой культурной и этической теме. Как не установить связь между этим интересом психологов и социологов и появлением или развитием во всех частях мира и почти во всех областях общественной жизни требований, социальных или национальных движений, которые направлены к защите коллективной или личной идентичности? Это не должно нас побудить уступить идеологии и довольствоваться определением своих мнений на основе мнений других. Но мы не должны больше забывать, что наша главная задача состоит в размышлении о социальных фактах и извлечении из этого понятий и инструментов анализа. Для социолога исходная точка должна быть следующей: призыв к идентичности означает призыв к несоциальному определению социального действующего лица. Для него действующее лицо определено своими социальными отношениями. Таково определение роли, которое может одинаково хорошо применяться как к классовым, так и к межличностным отношениям. Значит, призыв к идентичности представляет собой прежде всего отказ от социальных ролей или, точнее, отказ от социального определения ролей, которые должно играть действующее лицо.

Чаще всего призыв к идентичности сопровождается обращением к метасоциальному гаранту общественного порядка, в частности, к человеческой сущности или просто к некоей общности, характеризуемой ценностями, каким-либо природным или историческим атрибутом. Но в нашем обществе призыв к идентичности чаще соотносится не с метасоциальным гарантом, а с инфрасоциальной, природной силой. Призыв к идентичности становится, в противовес социальным ролям, призывом к жизни, свободе, творчеству. Наконец, государство также обращается к идентичности в противовес социальным ролям, пытается навязать идею единства, высшего по отношению ко всем особым объединениям и способного навязаться им. Особенно

---

* Ален Турен (род. 1925 г.) – французский социолог, автор идеи трансформации социологической науки на основе модификации таких понятий, как историчность, социальное движение, субъект. Разработал метод социологической интервенции. Автор работ: «Социология действия», «Производство общества» и др.

[1] Публикуется по: Возвращение человека действующего / Пер. с фр. М.: Научный мир, 1998. С. 97 – 115.

национальное государство взывает к гражданственности и, соответственно, к патриотизму в противовес всем социальным, профессиональным и географическим различиям. Таким образом, индивидуальный или коллективный призыв к идентичности составляет оборотную сторону общественной жизни. Тогда как последняя представляет сеть отношений, местом пребывания идентичности являются одновременно индивиды, общности и государства.

Большой поворот

Мы привыкли рассматривать современную историю как трудный, но необратимый переход от особенного разного рода к универсальному. Не имеет ли с давних пор целью наша система воспитания вырвать ребенка из той среды, в которой он родился и рос, и открыть ему более широкие возможности или сообщить ему факты, мысли и творения, значение которых считается универсальным или образцовым? Мы живем еще как наследники философии Просвещения. В западных странах в особенности левая постоянно противостоит традиции и господству местной знати. Если она взывает постоянно к государству, то, как она думает, для того чтобы использовать его силу, отождествленную с коллективной волей, в борьбе против владельцев и хранителей традиции.

Мы можем умножать примеры, но уже приведенных достаточно для напоминания, что до совсем недавнего времени мы анализировали наш собственный исторический опыт с помощью идеи прогресса, отождествляя последний с переходом от традиции к инновации, от веры к разуму и от идентичности к демократии, то есть к механизму изменения. Некоторые готовы идти гораздо дальше и анализировать наши общества исключительно с точки зрения их изменения, отказавшись от всякого усилия определить то, что обычно называют их социальными структурами и. следовательно, от всякой попытки типологии и тем более от представления об исторической эволюции.

Эта общая концепция имеет две разные формы. Прежде всего, либеральную, крайним завершением которой является упомянутая идея. Историческая эволюция предстает в этом случае в виде перехода от закрытых обществ к открытым, от контролируемых к свободным. Другая форма, напротив, связана с видением эволюции как перехода от абсолютной власти к демократии, то есть предполагает сведение власти к неким последствиям социальных отношений благодаря прогрессу представительной демократии в чисто политической или экономической областях. Эти две концепции ведут к совершенно противоположным следствиям, но обе они принуждены вычеркнуть понятие идентичности из своей идеологии.

Удивительно наблюдать, с какой скоростью такое представление разлагается или отбрасывается. Самым важным фактом в этой связи становится быстро возрастающая роль зависимых обществ, борющихся против своей зависимости или против колонизации. В прошлом веке казалось, что только «центральные» общества имеют историю, в современной же истории все более доминирует политика национального и социального освобождения. Если европейский XIX век мечтал об отмирании государства, о триумфе гражданского общества и демократии, то для XX века характерен подъем государств, борющихся против господства гегемонистских держав. Перед лицом господства с универсалистскими претензиями эти государства взывают к идентичности. В силу этого национализм, который европейцам казался все более архаическим источником разрушительных войн, сегодня на мировой сцене возрождается как «прогрессистский». А универсалистский и прогрессистские ценности Европы все более выступают инструментами ее идеологического господства над остальным миром и вследствие этого орудием ее особых интересов.

Внутри самих развитых индустриальных обществ в идее прогресса пробита брешь, в особенности это касается веры в бесконечный прогресс производства. Вместо того чтобы чувствовать себя сеньорами и хозяевами природы, мы оказываемся перед выборами, которые не сводятся к вопросу о количественных изменениях, а касаются скорее характера различных отношений между людьми и их окружением, а также людей между собой. Мы заменяем, таким образом, идею бесконечного прогресса идеей выбора, который осуществляют особые коллективы относительно образа жизни и общественной организации также особого типа.

Наконец, если прежде призыв к государству имел универсалистский характер, был проявлением оппозиции в отношении традиционных местных форм господства, то современное развитие государственной власти как в области культуры и особенно информации, так и в экономической области, побуждает нас противопоставить этой растущей силе, имеющей интенции к тоталитаризму, сопротивление со стороны локальных коллективов и даже частной жизни.

На еще более общем уровне мы в наших гиперсложных обществах заменяем идею о том, что эффективность связана с гомогенностью и однообразием, противоположной идеей о ее связи с количеством информации, созданной и сохраняемой в системе, то есть с ее разнообразием. Мы не считаем более преимуществом забвение местных культур и языков и участие всех в универсалистском варианте французской или английской культуры. Напротив, нам все больше кажется, что богатство целого зависит от его разнообразия и гибкости.

Мы оказываемся, таким образом, перед трудным выбором. Очень малочисленны, по крайней мере в наших обществах, лица, которые полностью отрицают то, что можно бы назвать прогрессистским образом истории и для которых страны мира различаются лишь качественно. Еще менее многочисленны лица, которые желают общего поворота назад и придерживаются целиком регрессивного образа прогресса. Но в то же время распространяется призыв к специфичности, различию, национализму и всем формам идентичности. Мы, таким образом, оказываемся в почти полном смятении.

Возьмем один пример из области политики. Левая и крайне левая революционного вдохновения, имеющая, таким образом, универсалистские интенции, поддержали движение национального освобождения и государства, призывающие к идентичности. В результате они, как египетские коммунисты при Насере или иранская левая после падения шаха, оказались в тюрьмах недавно прославлявшегося ими лидера. Смятение становится еще большим, когда эти националистические темы, как будто перешедшие к левой, становятся вдруг на прежнее место, то есть переходят к новой правой, которая, например, во Франции объявляет себя сторонницей французского национализма, опирающегося на специфическую культурную традицию и готового к защите того, что ему кажется ее превосходством. Здесь может включиться рефлексия общественных наук, поскольку социальные практики, кажется, несут противоположные смыслы.

Поведение в ситуации кризиса

Необходимо прежде всего постараться объяснить двусмысленность понятия идентичности и связанных с нею идей и движений.

В современных условиях социальное господство более проникающе и более разнообразно, хотя оно во многом менее грубое, чем в обществах прежнего типа. Технократические аппараты обладают способностью формировать спрос в зависимости от контролируемого ими предложения, пробуждать потребности и, таким образом, непосредственно вмешиваться в область культуры, определения ценностей, не ограничиваясь сферами производственных отношений или распределения благ. В результате защита от такого господства не может больше ограничиваться уровнем общности или ремесла, как это было еще возможно в индустриальных и доиндустриальных обществах. Такая защита теперь апеллирует к наименее социальному в человеке.

Но такая защита может стать общественным движением или просто породить способность коллективного действия только при усло-

вии объединения ее с контр наступательным движением. Таким же образом защита жизни, культуры и квалификации рабочих могла питать рабочее движение, только включившись в контрнаступательное движение, которое потребовало заводы для рабочих и создания общества производителей. Это контрнаступление иногда символизируется лозунгом самоуправления.

Так как находящиеся в зависимом положении не могут более удовлетворяться достигнутым, они требуют прежде всего возможности самим определять выбор, который влияет на их общественное и личное существование. Это контрнаступательное действие далеко, таким образом, от идеи историчности. Оно является непосредственно политическим, обращается к идеям самоуправления, социальной и культурной демократии. Таким образом, современная социальная и политическая сцена заполнена со стороны тех, кто не имеет доступа к власти, одновременно призывами к идентичности, приобретающей все более природный и менее социальный характер, и непосредственно политическими требованиями, выраженными вследствие этого не в терминах идентичности, а в терминах социальных отношений и власти. Сказанное ведет к заключению, что призыв к идентичности означает оборонительное поведение, отделенное от всякого контрнаступательного типа поведения.

Отсюда происходит его двусмысленность. Призыв к идентичности является на самом деле движущей силой социальной борьбы, так как защита – это половина действия. Но одновременно она разрушает способность социального действия, когда изолирует оборону от контрнаступления. Этот призыв к идентичности является одновременно и первым этапом создания общественных движений, и их разрушением при переходе ко второму этапу, то есть к реальному этапу создания общественных движений. Нужно теперь постараться выделить разные свойства призыва к идентичности, когда последний оказывается первым этапом создания общественного движения или, напротив, когда он выступает помехой для такого создания. Но фактически нужно различать не два, а три случая, нужно включить в их число, наряду с упомянутыми, промежуточный вариант, который соответствует уже описанным ситуациям, когда призыв к идентичности сам по себе формирует коллективное действие, но направленное больше против внешнего, а не внутреннего господства, против государства, а не против господствующего класса.

Оборонительное поведение

В зонах доиндустриальной экономики приходится слышать призыв к защите идентичности способа производства и образа жизни.

Особенно именитые граждане защищают такую коллективную идентичность, выразителями которой они были и от которой получали наибольшую выгоду. Франция знала великое множество традиционалистских региональных движений, в особенности в довоенный период в Нормандии и Бретани, но и в настоящее время во многих регионах. Эти движения региональной защиты никоим образом нельзя смешивать с движениями, стремящимися к региональному развитию, и еще меньше – с движениями национального освобождения. В других странах секты или мессианские объединения могут представлять собой защиту утопической коллективности, которой угрожает социальная дифференциация и секуляризация. В этих и во многих других случаях призыв к идентичности кажется особенно связанным с защитой традиционных элит.

Второй тип призыва к идентичности более драматичен. Всякая испытывающая серьезный кризис коллективность стремится заменить свои внутренние конфликты на противостояние внутреннего и внешнего, внутренней интеграции и внешней угрозы, усиленной изменниками внутри общности, которые и станут вскоре козлами отпущения. Итальянский фашизм, еще более нацизм апеллировали к национальной и народной идентичности (volkisch), отождествляя природное бытие и коллективную волю, расу и историю. Таким же манером новая правая, стремясь обосновать свой национализм, обращается к биологии, то есть к воображаемому природному превосходству тех, кто был и должен остаться хозяином мира и их культурной идентичности. Последняя, с их точки зрения, может быть утрачена то ли под влиянием гедонизма, то ли в результате завоевания новыми империями.

Третий тип поведения оборонительной идентичности был проанализирован совсем недавно. Для некоторых наблюдателей, особенно для последователей Токвиля, призыв к идентичности составляет только особую форму омассовения и деструктуризации общества, все более подпадающего под абсолютную власть государства. Идентичность уже не представляется завоеванием, а скорее разрушением автономии и специфичности социального действующего лица, подпадающего под манипуляции со стороны центра. Кристофер Лаш говорил о нарциссизме, имея в виду личность, находящуюся в беспрерывном поиске идентичности за рамками реальных социальных отношений и, следовательно, в тех областях и условиях, которые контролируются манипуляторской властью. Идентичность оказывается тогда прерывистой серией идентификаций с моделями, произведенными массовой культурой.

Популизм

Призыв к идентичности перестает быть оборонительным и становится силой созидания коллективного действия, только когда он противостоит не социальному изменению, а господству, считающемуся иностранным. Подъем идентитарных и даже интегристских движений – это, действительно, один из самых замечательных политических феноменов нашего времени. Сменявшие друг друга от Французской до Советской и т. д. революции постоянно обращались к освободительным силам в борьбе против старого строя. Напротив, современные антиреволюции, самая важная из которых свергла шаха в Иране, но примеры которых находим и вне исламского мира и даже у наших дверей, противостоят не старому строю, а белой революции, то есть навязываемой извне модернизации, которая переворачивает прежнюю социальную и культурную организацию. И именно на защиту этой организации и ее ценностей поднимается народ. И чем более движение является народным, тем слабее становится роль национального государства, и чем более крайним является интегризм, тем более террористическим становится действие. Между тем царство террора во Франции или в Советском Союзе было связано, напротив, с победой якобинского государства над народными силами.

Сила такого призыва к идентичности тем более велика, чем более прямо и полно осуществляется иностранное господство. Но он вовсе не ведет к освободительному движению. В силу того что борются с неким государством и некой культурой, могут обратиться также только к культуре и государству, к абсолютному или тоталитарному государству и к репрессивной культуре. Когда движение в социальном плане оборонительное не связано с движением в социальном плане контрнаступательным, его следствием может быть только укрепление государства или коммунитарной закрытости, а значит, покоящаяся в основном на исключении идентичность.

Наступательная идентичность

Совершенно другим оказывается оборонительный призыв к идентичности, когда он дополняется и переворачивается, становясь требованием, протестом против власти, разрушающей не идентичность, а способность автономного действия коллективов и индивидов. Большинство общественных движений, формирующихся в наших обществах, могут рассматриваться как попытки перехода от оборонительной к наступательной идентичности, как силы, воздействующие на оборонительную идентичность.

Часто называют националитарными движения, которые, частично, по крайней мере, превращают и переворачивают движения, оборонительные в отношении традиционной идентичности, то ли в движения за автономное региональное развитие, то ли даже в движения национального освобождения. Еще более ясным случаем в этой связи является антиядерное движение. Правда, оно бы не существовало без защитных мер в пользу локальных коллективов, которым угрожают большие объединения и культурный и экономический переворот, а также в пользу населения, которому угрожает утрата физической и даже генетической идентичности. Но исследования показали, что антиядерное движение быстро сворачивается, если остается на этом уровне. Оно организуется и развивается, только если это поведение защиты соединяется с антитехнократической критикой и этим обращается к современности, противопоставляя себя власти в плане предлагаемого способа развития и социальной организации. Наконец, движение женщин, которое начинается призывом в защиту идентичности, различия, специфичности и сообщества, выживает и приобретает влияние лишь постольку, поскольку оно трансформируется в движение, направленное против некоего типа социальной власти, в действие, которое женщины ведут, но не только ради самих себя, против царства силы и денег, отождествляемых ими с мужской властью.

Таким образом, идентичность становится в глазах социолога не просто призывом к существованию, а также требованием некоей способности действия и изменения. Она тогда определяется в терминах выбора, а не субстанции, сущности или традиции. Но это не может произойти целиком в рамках призыва к идентичности. Нужно, чтобы этот последний был только одним из элементов, создающих общественное движение. А оно определяется в целом суммой причин и условий: защитой идентичности, сознанием социального конфликта и призывом к коллективному контролю некоторых культурных ориентации, всех крупных средств сам о производств а общества. Таким образом, переход от оборонительной идентичности к наступательной является также переходом от простого принципа действия к взаимозависимости нескольких дополнительных принципов. Переход трудный, так как он угрожает действующему лицу, в частности разъединяя некоторые области его действия, а также почти с необходимостью, вводя некоторую дистанцию между экспрессивной основой действия и его инструментальной организацией или политической стратегией. Вот почему никогда нельзя отождествлять общественное движение с требованием идентичности. Никогда рабочее движение не тождественно сознательному и организованному рабочему классу. Никогда региональная или национальная защи-

та не является действием идущего вперед народа. Мы здесь находим самую скрытую форму значения понятия идентичности в социологической области. Призыв к идентичности является, в конечном счете, оборонительным действием социального борца против самих условий его коллективного действия. В сердце всякого общественного движения всегда существует фундаменталистская и коммунитарная тенденция, которая может быть демократическим призывом, направленным от имени этики убеждения против «политизации» действия, но которая может также, действуя более негативно, перевернуть общественное движение и превратить его в секту. Таким образом, еще раз становится очевидна двусмысленность идентичности, могущей одновременно дать жизнь коллективному действию и запереть его в стенах секты.

Идентичность не может быть противопоставлена социальному участию и выполнению социальных ролей. Еще менее возможно смешение ее с ними. В доиндустриальных обществах призыв к идентичности был призывом к общественному порядку независимо от того, была ли эта идентичность религиозной природы, национальной или даже классовой. Напротив, сегодня, если идентичность противопоставляет себя социальной жизни, она может быть только маргинализованной или манипулируемой теми, кто ею руководит. Зато призыв к идентичности может быть осознан как демократическая работа, как усилие социальных действующих лиц самим определять условия, в которых происходит их коллективная и личная жизнь. Сама социальная система оказывается при этом постоянно меняющейся и имеющей большую власть над самой собой.

Изменение и развитие

Унаследованная нами общественная мысль могла лишь с трудом понимать социальное изменение. Не потому что она интересовалась только условиями стабильности, а напротив, потому что она основывалась на идее *эволюции.* Пока социология остается эволюционистской, она не в состоянии понять социальное изменение, ибо она не может разделить между собой анализ социальной системы и анализ изменения. Синхронический анализ занимает сегодня более центральное место, чем диахронический, не по принципиальным соображениям, а потому что именно первый порвал с эволюционизмом и сделал возможной теорию изменений. Эта идея была принята совсем недавно, по крайней мере в странах, где историческая мысль имела наибольший успех, – Германия, Франция, Англия и Италия.

В течение долгого времени в этих странах существовала почти национальная оппозиция темам функционалистской социологии, кото-

рая тогда казалась тождественной американскому мышлению. Прежде всего, это была ложная борьба, так как Парсонс очень ясно указывал, что его анализ общества покоится на эволюционистской концепции, на унаследованной от прошлого века идее, будто движение истории ведет к увеличению инструментальной рациональности. Сейчас важнее, чем обращаться к причинам заката эволюционизма, указать на опасность того, что как будто заняло место эволюционизма и что можно назвать историцизмом. Если говорить о различии между ними, то эволюционизм, воплотивший в себе англосаксонский дух, стремится выделить общие тенденции общественной эволюции по мере того как общества становятся более техническими и сложными. Напротив, историцизм, полный немецкого духа, настаивает на особости пути каждого коллективного действующего лица, определяемого волей и направляемого культурой и историей.

В настоящее время, когда история особенно заполнена множеством конфликтующих между собой моделей развития, историцизм торжествует, а эволюционизм находится в упадке. Наши общества, которые верили, что говорят от имени универсальных ценностей, встретились с часто грубым напоминанием, что они были колонизаторскими обществами, что они были еще центрами империализма и давили своей экономической и военной силой на большую часть мира. Равным образом, культурный кризис шестидесятых годов положил конец иллюзии линейной эволюции, которая направлена к большей инструментальности, разделению ролей и холоду в общественной жизни. Опасность историцизма заключается в том, что он замыкает каждое общество в его особости, то есть заставляет исчезнуть общества перед лицом государства, социальные системы перед лицом политики, и еще проще, практику перед лицом дискурсов. Вот почему самая важная и наиболее практическая задача современной социологии заключается в определении отношений между анализом социальных систем и анализом исторических перемен, между синхроническим и диахроническим анализами. А это прежде всего предполагает, что такое разделение признано возможным. Самый простой способ такого признания заключается в утверждении, согласно которому никогда не существует исторического изменения, перехода от одного типа общества к другому, от одного поля историчности к другому, который был бы чисто эндогенным. Всякое общественное изменение в той или иной степени *экзогенно.* Это делает старомодной идею Второго Интернационала, согласно которой некий тип общества мог бы развиться только тогда, когда предшествующий тип исчерпал все свои возможности. Даже самые влиятельные общества не трансформируются в результате простого накопления техники, богатств и обменов. Они так же, как зависимые или

колонизованные общества, испытывают воздействие внешних причин изменения, точнее, факторов несоциальных, которые связаны с экономической и военной конкуренцией. Война становится все более важным фактором общественного изменения. В прошлом военное завоевание часто подчиняло государству локальную экономику, которая не испытывала в результате большой трансформации.

В других случаях завоевание внедряло торговую или индустриальную экономику поверх аграрной. Но сегодня связи между научным и техническим поиском, большими экономическими вложениями и военными стратегиями так тесны, что невозможно говорить о внутреннем переходе от индустриальной экономики к постиндустриальной. Если в Советском Союзе создание современной техники зависит еще от области, забронированной за государством и армией, то иначе обстоит дело в Соединенных Штатах и в больших западных странах, где военный и стратегический выбор имеет гораздо большее влияние на инвестиции и общую организацию производства. Чем более общества оказываются «современными», тем более они становятся хрупкими, тем более они зависят от модификаций в *окружающей среде.* На самом деле это старая идея, сегодня актуальная более чем когда-либо, в соответствии с которой издавна объясняли прогресс приморских обществ. Можно понять, что закрытые общества насколько возможно уменьшают воздействие экономического и политического окружения. Такие общества могут глубоко изменять свою социальную организацию, как это было в Китае или еще в Камбодже, но они не стремятся к изменению своей производственной способности. Напротив, с одной стороны, военный риск, с другой – желание играть международную роль толкают сегодня Китай к развитию современных форм производства.

Точно так же в Японии в XIX веке революция Мейдзи и ускоренная индустриализация страны произошли под влиянием той угрозы, какую для нее представляли американский флот и российский. Анализ общества как совокупности систем действия требует в качестве необходимой компенсации признания экзогенного характера изменения. Это должно вести к более общей идее. Главные действующие лица общественного изменения не могут быть теми же, что и те, которые находятся в центре функционирования общества. Прежде всего, следует заметить, что невозможно говорить о трансформации индустриального общества, но можно говорить о его функционировании. Индустриальное общество это социальная система, тогда как меняются Англия или Япония, то есть общества политические, территориальные, исторически и географически определенные. Идентичность такого национального общества представлена не правящим классом, *а государством.* Государство – это агент, представляющий об-

щество в его внутрисоциальных отношениях. Одновременно оно выражает общество в качестве творца его собственной истории. Оно устанавливает отношение настоящего с прошлым и будущим, а также отношения внутреннего и внешнего. Нет государства, которое не имело бы права заключать войну и мир. Следовательно, нет государства без ответственности за жизнь и будущее общества. Но также нет государства, которое не было бы гарантом общественного порядка, то есть совокупности механизмов воспроизводства. Государство находится на *оси порядка и изменения,* а не на оси действия и кризиса. С этим легче согласиться, если четко различать государство и *политическую систему.* Здесь также нужно покончить с этноцентризмом, присущим центральным капиталистическим обществам, в которых государство, по крайней мере внутри собственных границ, часто смешивается с правительством, даже с избранными представителями народа. Политическая система – это система представительства социальных интересов. Она, следовательно, подчинена классовым отношениям, обладая при этом автономией, причиной которой служит сложность всякого национального общества, всякой общественной формации. В либеральных обществах эта автономия так велика и значение политической системы так значительно, что государство кажется почти исчезнувшим. Именно в Англии, где жил Маркс, государство наиболее ослаблено. Но не надо даже в этом случае забывать, что данное государство было вполне живым, когда речь шла о развитии и сохранении империи и о конкуренции с другими индустриальными нациями. Нет ничего более поверхностного и даже ложного, как утверждать тождество государства и правящего класса. Никто никогда не забывал, что правящий класс вследствие большей или меньшей степени его господства в политической системе имел большое влияние на государство. Но самый важный и устойчивый исторический феномен заключается в *дистанции, которая отделяет государство от правящего класса.* Экономическое развитие Италии, Германии и Японии стало возможным гораздо более вследствие государственных инициатив, чем в результате деятельности национальной буржуазии. И чем более удаляются от центров капиталистической индустриализации, тем, очевидно, более сильной становится роль государства в исторических изменениях. Поэтому кажется абсурдом делать из государства слугу правящего класса, который или вообще даже не существует или который государство торопится ликвидировать.

В Алжире, как и в Бразилии, Мексике, как и в Сингапуре, Вьетнаме, как и в Конго, в Ираке, как и в Польше именно государство руководит индустриализацией и трансформацией общества. Тщетно стремиться свести такую государственную власть к классовой действительности,

говоря, например, о государственной буржуазии. Два этих слова не принадлежат к одному и тому же словарю, и их соединение только маскирует проблему, которую необходимо трактовать прямо. Конечно, государство не чуждо интересам и соотношениям сил, которые господствуют в гражданском обществе. Но эта банальная констатация никоим образом не оправдывает смешения двух рядов проблем, из которых один относится к функционированию обществ, другой – к их трансформации. Это различение становится ясным, когда противопоставляют не только государство гражданскому обществу. В более широком плане надо различать *способ производства* и *способ развития* общества. Что ведет к сомнению в повсеместно принятых идеях. Я уже говорил, что классы и классовые отношения принадлежат к области производства или, точнее, к типу историчности и в особенности инвестиции.

Существуют классовые отношения, присущие индустриальному обществу, и я подчеркивал в этом отношении, что они были одинаковыми в капиталистическом и социалистическом обществах. Это вынуждает сказать, что то, что называют *капитализмом и социализмом, не представляет собой ни способов производства, ли классовых отношений, а является способами индустриализации.* Капитализмом является создание торговой, индустриальной или постиндустриальной экономики *национальной буржуазией.* Можно говорить о *зависимом* капитализме, когда экономическая трансформация направляется *иностранной буржуазией,* или, точнее, капиталистической системой, центр которой находится вне рассматриваемых стран. *Социалистическими* часто называли страны, развитие которых осуществлялось под руководством *национального государства* и в особенности независимо по отношению к мировой капиталистической системе. Я подчеркиваю утверждение: капитализм не является способом производства, и добавлю: капитализм не определяет классовых отношений. Он представляет собой режим, способ развития, социальную форму экономического развития и в особенности индустриализации.

Собственность на средства производства – это одна вещь, социальные отношения производства – другая. Капиталистическое накопление и социалистическое, то есть государственное, имеют очень разные формы, но их классовое значение одно и то же. Именно в той мере, в какой в обоих случаях они создают индустриальные общества, то есть формы производства, при которых трудящиеся подчинены так называемой рациональной организации труда, управляемой держателями капитала. Разделение этих двух областей осуждает идеологический дискурс, который соотносится с национальным обществом, определяя его в любом случае как социалистическое или

капиталистическое. То обстоятельство, что рабочие на конвейере подчинены изнуряющим ритмам производства и сдельной оплате труда, не имеет ничего общего с капитализмом, а является одной из самых важных проблем индустриальных обществ.

С другой стороны, не вправе обвинять капитализм или, наоборот, социализм в некоторых отрицательных и возмутительных явлениях, присущих высокоиндустриализованным и урбанизированным обществам. Что означает выражение «переход к социализму», когда его употребляют в капиталистических индустриализованных обществах? Оно имеет несколько смыслов. Самый конкретный из них состоит в том, что нужно усилить влияние государства на экономику, развить ее государственный сектор за счет частного, потому что последний неспособен выдержать тех глубоких изменений и инвестиций, каких требует угрожающее самостоятельности данной экономики международное окружение или важные технологические новшества. Еще один смысл, не имеющий никакой связи с первым, заключается в необходимости усилить влияние или власть трудящихся по сравнению с ролью предпринимателей частных или государственных секторов в области труда и во всей совокупности общественной жизни. Что касается таких выражений как «переход к социализму», когда под этим имеют в виду, что социализм является следующим за капитализмом этапом истории, они просто лишены смысла. Нужно еще раз напомнить, что если многие индустриальные капиталистические общества стали в какой-то степени социалистическими, по крайней мере в той степени, в какой в них выросло вмешательство государства в экономику, то никакое капиталистическое общество не стало само собой социалистическим в том смысле, в каком говорят, что социалистическими являются Советский Союз или Китай.

В такой стране как Франция политическая жизнь заставляет употреблять много совершенно лишенных смысла выражений, их остерегаются определять те, кто их употребляет. Постоянно приходится слышать, что такая-то партия не намерена вести страну к социализму и может добровольно удовлетвориться установлением передовой демократии. Но такая мера осознается, в свою очередь, как первый шаг к социализму, то есть к огосударствлению средств производства.

Сторонники таких выражений не будут удовлетворены, если им сказать об их полной приемлемости при условии уточнения, что они не предполагают никакого преобразования положения трудящихся и никакого изменения классовых отношений. Значит, проще отрицать такие лозунги, которые могли иметь смысл только в эпоху широкого признания эволюционистской концепции истории, как если

бы социальные режимы следовали друг за другом в величественном караване истории.

Нельзя ограничиться сказанным и удовлетвориться разделением исследования систем и исследования развития. Каждый чувствует, что они не целиком отделимы друг от друга и что если они пересекаются, то нам нужно знать, где находится точка пересечения, ибо последняя является центром социологического анализа.

Это последнее выражение должно быть понято в буквальном смысле. Центральная проблема социологического анализа состоит в изучении отношений между синхронией и диахронией, между правящим классом и государством. Очень многие обществоведы издавна имели живое понимание центрального места этого вопроса в любой концепции общества. В этом случае к уже употребленным формулировкам добавляется еще одна: каково отношение между классовыми и национальными движениями? Ибо классовые движения занимают центральное место в функционировании общества, тогда как национальные движения представляют собой самые важные коллективные действия в плане исторического изменения, так как в последнем доминирует фигура государства. Этот вопрос лучше известен историкам, чем социологам, первый раз он очевидным образом проявился в австро-марксистской школе и не переставал приобретать значение по мере того, как революции или называемые социалистическими трансформации шире проникали в регионы, где господствовали автократические национальные или иностранные колонизаторские государства.

Синхронический и диахронический анализы пересекаются не просто. Их соотношение вписано в анализ социальной системы и, точнее, в анализ классовых отношений. Ибо последние, как известно, имеют два лица: отношений производства, как они складываются между правящим классом и классом трудящихся, выдвигающих свои требования, и отношений воспроизводства, складывающихся между господствующим классом и классом подчиненным. С одной стороны, антагонистические классы борются за контроль над историчностью, и чем более их конфликт оказывается живым, тем более он способствует развитию сил производства и изменения по сравнению с кризисными факторами и силами воспроизводства. Напротив, когда господствующий класс усиленно защищает свои привилегии, а народный класс – свой традиционный образ жизни, то они оба не имеют тогда необходимости соотноситься с историчностью и обращаются к государству как области их конфликта или как союзнику в борьбе против своего противника. *Именно дистанция между отношениями производства и отношениями воспроизводства определяет дистанцию между правящим классом и государством.*

Повсюду, где в силу самых разных причин правящий класс оказывается на деле господствующим классом, последний должен опираться на государство, чтобы защитить благоприятный для него порядок и пресечь попытки его изменения. Со своей стороны, народные классы должны тогда атаковать государство, главного покровителя господствующего класса, который без опоры на его оружие и законы был бы не способен защищаться. Там, где государство является только искусственно поддерживаемым коррумпированным агентом колонизаторского государства, социальная борьба может даже принять характер вооруженной борьбы против него. Таков случай кубинской партизанской войны против Батисты, к такому же типу относится партизанская борьба в Сальвадоре. И если партизаны потерпели поражение в Венесуэле, Перу или даже в Боливии, то потому, что в этих странах государство было не похоже на то, которое перевернул Фидель Кастро, или на государство Сомосы.

Что касается Франции, то именно потому, что индустриализация в ней чаще осуществлялась государством, чем буржуазией, и потому, что последняя была сильно озабочена защитой своих привилегий и созданием блока олигархических интересов, рабочее движение в ней оказывалось часто под влиянием коммунистической партии, борющейся против государства. Зато в Англии конца XIX – начала XX веков или в Соединенных Штатах начиная с периода создания АФТ рабочие выступления были почти полностью отделены от противогосударственных действий, но зато прочно связаны с деятельностью политических партий, стремящихся к институциональным изменениям. Чем более приближаемся к центру капиталистической экономики, тем более гражданское общество, как кажется, доминирует в отношении государства, так что последнее может представать просто агентом правящего класса. Чем более удаляемся от центральных держав, тем более встречаем другие обстоятельства, последствия которых на общем уровне проводимого здесь анализа являются одинаковыми.

С одной стороны, зависимые или колонизованные страны, находящиеся под влиянием внешней экономической инициативы, ведут политическую борьбу против олигархий.

С другой стороны, в странах, которые не были колонизованы, но и не участвовали в первом движении индустриализации, государство стоит на страже общественного порядка в угоду прежним господствовавшим классам, которые более не играют руководящей и новаторской экономической роли. Во всех этих случаях политическое действие преобладает по сравнению с социальной борьбой. Таким образом, именно в самом синхроническом анализе находится объяснение его отношений с анализом диахроническим, что сообщает

ему решающее значение. Но, как только что видели, именно в господстве государства, будь оно автократическим и консервативным или же завоевательным, стоящим на службе динамического капитализма, находится объяснение разделению между правящим классом и господствующим и превосходству последнего. Ничто не свидетельствует яснее о связи между этими двумя родами анализов, чем понятие *революции.*

Последняя по определению объединяет народное общественное движение, или движение неправящего класса с действием, стремящимся к политическому перевороту. Два этих элемента один к другому не сводятся. Крестьяне или ремесленники поднялись во время Французской революции против земельных собственников и торговцев. В то же время буржуазия опрокинула привилегии и королевскую власть.

История Французской революции составлена из меняющихся отношений между данным общественным движением и данным политическим действием. Робеспьер был в центре революции в силу того, что он хотел объединить два типа движений, представлял одновременно и террор, и максимальные требования. Но его конец был свидетельством хрупкости такого компромисса, за ним последовал триумф буржуазии. Личность Ленина еще важнее, ибо он дальше продвинул подобную двусмысленность.

Если он был по преимуществу и в самом глубоком смысле человеком партии, боровшимся против государства или за создание нового государства, он был также, особенно в решающий момент написания *«Государства и революции»* и *«Апрельских тезисов»,* участником рабочего и народного движения, социальной революции. В последние годы своего правления он хотя и склонялся более к строительству государства и партии, но живо ощущал себя и толкователем общественного движения. После его смерти начнет усиливаться тенденция, которую он сам поощрял своими самыми важными действиями, и партия-государство пожрет общественное движение, с которым он делал революцию. Такое пожирающее своего отца государство называют сталинизмом, но почти во всех коммунистических режимах оказывался центральный феномен такого рода. Это отличает коммунистический тоталитаризм от фашистского тоталитаризма, последний уничтожал скорее своих социальных противников, а не силы, которые привели его к власти.

Марксистская мысль, рассматриваемая в целом, есть доктрина, которая интерпретировала идеологию рабочего движения. Когда последнее было главным общественным движением, марксистская мысль была сильной, независимой, критичной и вела жестокие бои с буржуазными идеологиями за свое признание. Затем марксизм

перестал быть автономным выражением общественного движения и стал прежде всего доктриной коммунистических, в значительно более ограниченной степени социалистических партий. Но последние, по правде говоря, после Первой мировой войны и особенно после Второй были мало озабочены доктринальными разработками. Единение марксистской мысли и коммунистических партий в мировом масштабе и даже в Западной Европе имело своим следствием почти полный упадок марксистского мышления.

Этот пример из истории идей свидетельствует о поражении всяких попыток объединить между собой анализ систем и анализ исторических изменений. Социологический анализ должен признать различие этих двух линий анализа, прежде чем присоединиться к работе историков по осознанию практических форм их объединения.